

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УПАЛ НА ЗЕМЛЮ

«Я просто гнул свою линию и кайфовал: все тогда были такими смертельно серьезными по части «идеи рока»

Шут, валет, перевертыш, черт разноглазый... Есть в этой его красоте стареющего лорда Фонтлероя (а был ли Боуи маленьким?), в фантастической эlegantности, в пластике, в голоса — невеликом, но явственно отличимом от других голосов, — нечто восхитительно извращенное, потустороннее даже. Может, он и вправду пришелец?

Ну уж извините, никого на самом деле приземленнее и четче, чем господин Дэвид Боуи, в рок-музыке, наверное, и нет. И откуда в этом выходе из лондонских низов, не слишком уж образованном, такое мастерство в создании собственного образа, вернее — череды образов? Он не лепил себя — он вырезал себя безукоризненно точным резцом, шкурил, полировал, и все один, без консультантов, путем экспериментов над собой — но всегда безошибочно. Ни одна из созданных им в рок-музыке масок не обходилась без раздражителей, он же, напевившись очередной, сбрасывал ее, как змея надоевшую кожу, и струился к следующей. Он талантливый музыкант? Да. Но прежде всего Боуи — лицедей. Он сделал из своей жизни театр одного актера, и публика, вначале шокированная, признала за ним право на этот спектакль. Она признала за ним право изображать трансверта, пришельца, пса, подлеца, героя, даже серую

бесформенную массу, потому что все его изыски отличались прежде всего законченностью формы. Были на его счету и неудачные пластинки, и неудавшиеся кино-роли, но все это как-то незаметно, затмевается блеском других пластинок и других ролей.

При этом личная его жизнь всегда оставалась за кулисами: да, был женат, есть взрослый сын (бывшая супруга, до сих пор обозленная, Энджи написала недавно довольно гадкую книжицу, все еще пытаюсь мстить за прожитые без него годы), после трогательного ухаживания женился на чернокожей красавице, предпочитает жить в горном доме в Швейцарии — подалеке от публики. Интервью — не его жанр (этим он отличается от тех звезд, которые лучше говорят, чем поют и играют), он вообще редко «светится» перед журналистами: ну разве когда выходит очередная пластинка или фильм — тут уж куда не денешься. По природе своей скорее не болтлива, но мы не станем врать, будто публикуемое ниже интервью с Дэвидом Боуи — единственное в своем роде. Просто оно одно из тех немногих, в которых Боуи не играет, а, как кажется, предстает именно таким, какой он есть.

Или и это — очередная маска? Может, он просто предпочел форму рядового землянина?

Курт ЛОДЕР,
американский журналист

Мистер Боуи, в начале шестидесятых вы были модом («стильга, пижон, молики» — Пер.). Скажите, вы были идейным модом, из тех, кому, кроме веселья, плевать на все?

— Ну, что касается идеологии, то — да. А вот мой образ жизни не сильно пострадал: я терпеть не мог гонки на скутерах. И по клубам не очень-то шлялся — честно говоря, я никогда не был завсегдатаем модных мест.

— Правда?

— Конечно же, нет! Раз или два в неделю я обязательно отмечался, но по тем временам это считалось очень редко. Остальные парни околачивались там каждую ночь, часов до семи утра. Я же предпочитал художественные галереи, театры, музеи и все такое.

— Ваш персонаж Зигги Стардаст был отважной попыткой убежать от заштампованности рока, но это уже чуть позже. А что представляли собой ваши первые шоу?

— Мои музыканты увлекались рок-н-роллом, типаж — «завсегдатаи пивных». И объяснить им, что я не хочу, чтобы мы превратились в еще одну рок-н-рольную группу, было совершенно невозможно! Но они все же стали великолепной рок-н-рольной группкой, понимаете? Как только они поняли, что могут иметь любых девчонок, они купились на идею «великого бессмертного рок-н-ролла»: девчонкам нравятся мальчики в грубых башмаках. Это вообще любопытная штука: небольшая добавка секса — и выживает лишь сильнейший. Остальные продают только секс, и публика видит только секс. Ради этого можно красить волосы во все цвета радуги, до пятидесяти с лишним лет не вылезать из потертых голубых джинсов... Некоторые из таких музыкантов лишь пару недель назад поняли, что пора сменить джинсы на цивильное.

— А как публика реагировала на первые концерты вашего героя Зигги?

— Первые месяцы дались нам трудно. «Дешевые позыры» — вот как нас тогда называли. Меня это даже забавляло. Я просто гнул свою линию и кайфовал: все тогда были такими смертельно серьезными по части «идеи рока», что быть несерьезным и означало высшее проявление бун-

тарского духа.

— Вы задумывали Зигги как олицетворение целлулоидного рока, как воплощение стереотипов абсолютной рок-звезды, но, по иронии судьбы, то, что делает «он», было по-настоящему очень сильно.

— Знаю, знаю. Сегодня я уже с этим смирился. Ирония, на мой взгляд, в другом: несмотря на то, что прошло уже черт знает сколько времени, призрак Зигги по-прежнему поднимает свою размалеванную башку. Все, что мы когда-то делали, так или иначе эксплуатируется сегодняшними группами и исполнителями.

— Среди них и Принс?

— Принс? А, этот... Да, конечно. По-моему, это самый эклектичный исполнитель из всех, кого я только видел, не считая меня. И, по-моему, он великий плагиатор.

— Ваш следующий персонаж — Аладдин-сейн. Задумывался ли он как эволюция Зигги или же это был совершенно другой герой?

— Он должен был стать неким переходным звеном: выходя из образа Зигги, я еще не понимал, в каком направлении двигаюсь. И потому фигура вышла довольно эфемерная, незаконченная.

— Вы сами придумали грим Аладдина?

— Я придумал цветное пятно на лице, мне казалось, что оно должно было символизировать след от удара молнии. Нечто яркое и отчетливое, так как он был своего рода порождением электричества. А вот «слезинку» разработал известный английский мастер художественной фотографии Брайан Даффи.

— И каким же образом Аладдину удалось превратиться в того, кто создал альбом «Diamond Dogs» (Эта пластинка

полностью построена на романе Дж. Оруэлла «1984». — Пер.)?

— Одному Богу известно! Вообще-то сначала я хотел сделать мюзикл по книге Оруэлла и выступить с большой театральной труппой. Однако мой менеджер приятно проводил время где-то на Гавайях, и ему совершенно некогда было заниматься моими смешными проблемами! К тому же я узнал, что стоит мне сделать хоть один шаг в этом направлении, и миссис Оруэлл штрафует меня на бешеную сумму за нарушение авторских прав ее великого мужа. Поэтому все пришлось менять прямо в процессе записи, чтобы не было ни одной цитаты, а только намеки, да и то — расплывчатые-прерасплывчатые. А мой агент... какой он, к черту, агент, в те годы настоящих музыкальных агентов еще не было.

— Несмотря на внушительные туры, первый этап своей карьеры вы завершили по уши в долгах — как это могло произойти?

— Есть такие люди — главари, они заправляют твоими финансами, делают это отвратительно, но при том каждый член их племени непременно хочет жить красиво. Этские звезды рока, которые к року никакого отношения не имеют. Ну вот, некоторые просто пользовались моими доходами как своими — если денежки шли не на наркотики, известные лишь вождям племени исполнителей, и на прочие очень важные вещи. Вы не представляете, сколько в таких конторах крутилось наркотиков, не представляете! Вот, собственно, и вся история с моими деньжками.

— Вы читали книги о себе? Вот недавно вышли еще три...

— Про меня? Целых три книги? Боже ты мой! Да знаете ли вы, что всего их опубликовано не меньше сорока?! Я сломался на четвертой или пятой. Достаточно взглянуть на список авторов, и все становится понятно: ребята делают на мне свою карьеру — моя бывшая жена, Эва Черри, Черри Вэннелла, Тони Занетта и т. д. Все те, кто в семидесятых так здорово веселился за мой счет, а теперь у них просто кончились деньги.

— Ваша кинокарьера началась в 1976 году фильмом «Человек, который упал на Землю», сейчас вы уже снялись почти что в десяти картинах. Скажите, трудно ли вам, человеку, который на сцене всегда в маске, быть естественным перед камерой?

— Нет! Я не очень-то разбираюсь в кинематографе, поэтому съемки мне доставляют огромное удовольствие. Правда, от одной роли я отказался наотрез: поначалу в «Последнем искушении Христа» Иисуса должен был играть я. Но разве можно вообще выйти на сцену после такой роли? И я стал в фильме Понтием Пилатом — вот лишнее доказательство того, что никакой я не актер.

— Недавно дочь Фрэнки Синатры сказала, что в фильме о своем отце в главной роли она видит только двух человек: Дэвида Боуи или Роберта Де Ниро. Еще она сказала, что Де Ниро очень уважает вас как актера.

— Какая прелесть! При случае бесплатно почищу ему ботинки.

— Бывали периоды — например, в 1974 году, когда записывался диск «Diamond Dogs», — когда у вас проявлялся дар провидца. Предчувствуете ли вы свой конец?

— Ничего подобного! Я сделан таким образом, что в любой ситуации ищу хотя бы проблески света в конце туннеля. Видимо, в молодости негативное мышление доставляет какое-то удовольствие. С возрастом это проходит. Энергия остается прежней, только теперь она направлена в какую-то другую сторону.

— Как по-вашему, рок-н-ролл изменился?

— Рок-н-ролл предназначен для нас, а не для подростков. Мы его пишем, мы играем, мы слушаем. Подросткам нужна совершенно другая музыка, новая.

— Значит, рок мертв?

— Если воспринимать его как средство выражения каких-то чувств, то он по-прежнему имеет огромное значение и, следовательно, жив. Но в социальном плане... Меняются темы рока, меняется его словарь. Он стал социально приемлемым и действительно нашел свое место в обществе. Но это живое искусство, оно непрерывно эволюционирует и изменяется, и потому рок гораздо более интересен, чем, скажем, живопись или танец, где много всего, но для немногих. Между прочим, сегодня в живопись вкладываются такие деньги, каких рок отродясь не видел.

— А вы сами сильно изменились за эти годы?

— Я образца 1967 года нравлюсь себе больше, чем, скажем, я — образца 77-го или 87-го. Сейчас я снова такой же, как и в 67-м: веселый и приветливый, совсем не похож на затравленного нигилиста 70-х. По-моему, я уже сделал полный круг в своей эволюции. Закруглился, так сказать...

Перевела с английского
Ксения ПОЛИНА